

Пианисту подсунули плохой рояль

гастроли классика *Коммерсант 5.8-2003-7 апр-с 22.*

В завершение двухлетнего цикла «Камерные вечера в Большом театре» на сцене Бетховенского зала выступил именитый венгр Деже Ранки. Программу из произведений Белы Бартока, Клода Дебюсси и Ференца Листа публика приняла на ура. Но ЕЛЕНЕ ЧЕРЕМНЫХ показалось, что пианист остался недоволен.

Деже Ранки — эксклюзивный музыкант фирмы Hungaroton. Наряду с сонатами Гайдна и Моцарта им записано много музыки Белы Бартока. Если кому-то приспичит обзавестись бартоковским «Микрокосмосом» или циклом «Для детей», а также фортепианным Квинтетом Бартока или его Сонатой — руку на отсечение, первым, что найдется, будет тот или иной диск Деже Ранки, еще до Hungaroton писавшего главного венгерского классика XX века на фирме Teldec. Причина, видимо, в способности Деже Ранки играть Бартока настолько же виртуозно, насколько нетипично разумно и повествовательно подробно.

Судя по исполнению пяти пьес из «Микрокосмоса», Деже Ранки может изумительно определить огромный мир дробных бартоковских интонаций, доводя его до подобия некоей гравитационной системы. Ни одного штриха, ни одной краски и даже темпа,

который не работал бы на правах осмысленной детали огромного целого, не крутился бы наподобие больших и малых планет звуковой вселенной, подчиненных единому закону космической органики.

«Детский уголок» Дебюсси тоже оказался не таким, как ждали. Яркая, даже резкая, динамика уподобила Дебюсси срывающейся — совсем не как у взрослых, а почтительно, взхлеб, — детской речи. Само собой, Деже Ранки занимала вовсе не полемика с нормами импрессионистской культуры (в которой привыкли различать «акварельный звук», «мерцающие смыслы»), а адекватность изначальному музыкальному сюжету, с годами превратившемуся в мятые обрывки листов из ненужной детской книжки. То, что удалось сделать пианисту, сродни труду источниковеда — все пьесы «Детского уголка» восстановили не только последовательность своего поведения в цикле, но и соответствующий тон изложения: замедленный, а не виртуозно концертный; по-детски восторженный и внимательный к каждой детали, вплоть до размашисто смачного «выстрела» в басу финальной пьесы «Кукольный кэуок».

Таким образом, возникал сюжет: от знания короткой, но информативно вмести-

тельной бартоковской фразы Деже Ранки вел нас к забытому значению «детской» темы Дебюсси, чтобы затем по новой скрестить и то и другое в Сонате Белы Бартока с ее необузданной экспрессией фортепианного «варварства», доведенного музыкантом до критической температуры. А под конец — Соната Листа си-минор, критичность которой определяется наличием фаустианской темы в союзе с шикарно монументализированной формой. Так вот, с Листом ничего у Деже Ранки не вышло: громкость зашкаливала, паузы превращались в страшные черные дыры, а арпеджио летали птеродактилями над безжизненной поверхностью пустого эффекта.

Подвели не только постоянно скрипящие деревянные кресла, но и плохой, стучащий рояль (странно, но Большой театр до сих пор не обзавелся приличным инструментом) и беспощадная акустика Бетховенского зала, увеличивающая каждый звук, словно в лупу. Все это поставит в тупик любого музыканта — что говорить о Деже Ранки, играющего на самых требовательных сценах Европы, но в Москве не увидевшего ни одной приличествующей его рангу афиши, зато получившего в распоряжение, наверное, самый ужасный в его жизни инструмент.